

<https://doi.org/10.5281/zenodo.4686849>
УДК 81-37

Кунавин Б.В., Тедеева И.К.

Кунавин Борис Всеволодович, доктор филологических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 362045, Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. А. Кесаева, 2/1, кв.53. E-mail: vladraikun@mail.ru.

Тедеева Ирина Казбековна, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 362045, Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. А. Кесаева, 2/1, кв.53. E-mail: vladraikun@mail.ru.

Концепты «честь» и «совесть» в русской языковой картине мира

Аннотация. Предметом исследования является концептуальная диада «честь» и «совесть» в русской языковой картине мира. Цель статьи заключается в изучении содержательных форм компонентов указанной диады в диахроническом аспекте. В качестве основных методов использовались когнитивный метод, метод внутренней реконструкции, этимологический метод.

Научная новизна заключается в следующем: исследовано преобразование семантики указанных концептов; выявлено их взаимодействие со смежными понятиями и установлено различие в их смысловом содержании; доказано, что диада «честь» и «совесть» манифестирует единство личного и социального, при этом в аксиологическом смысле совесть в русской ментальности стоит выше чести, поскольку несет заряд глубокой духовности и ограничивает личную волю; определен корпоративный характер чести и целостность совести, отражающей стремление человека к справедливости; показано также, что в современной языковой картине за совестью закрепилось глубинное (душевное) знание, а за знанием – поверхностное (вещное).

Основной результат исследования состоит в том, что антиномия двух главных типов нравственности (честь и совесть) соответствует противопоставлению внешнего и внутреннего регулятора социального поведения личности.

Ключевые слова: концепт, понятие, значение, концептуализация, синтагматика, диада, внутренняя форма, образ.

Kunavin B.V., Tedeeva I.K.

Boris Vsevolodovich Kunavin, Doctor of Philology, professor, North Ossetian state university of K.L. Khetagurov, 362045, Northern Ossetia-Alanya, Vladikavkaz, A. Kesayev St., 2/1, apartment 53. E-mail: vladraikun@mail.ru.

Tedeeva Irina Kazbekovna, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, 362045, North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, st. A. Kesaev, 2/1, sq.53. E-mail: vladraikun@mail.ru.

Concepts of "honor" and "conscience" in the Russian language picture of the world

Annotation. The subject of the study is the conceptual dyad "honor" and "conscience" in the Russian language picture of the world. The purpose of the article is to study the content forms of the components of said diad in the diachronic aspect. As the main methods, the cognitive method, the internal reconstruction method, the etymological method were used.

The scientific novelty is as follows: the transformation of the semantics of these concepts has been investigated; their interaction with related concepts was identified and a difference in their semantic content was established; it has been proved that the dyad "honor" and "conscience" manifests the unity of personal and social, while in the axiological sense, conscience in Russian mentality stands above honor, since it bears the charge of deep spirituality and limits personal will; Defines the corporate character of honour and the integrity of conscience, reflecting a person's desire for justice; it is also shown that in the modern language picture, deep (mental) knowledge was entrenched in conscience, and superficial (real) knowledge.

The main result of the study is that the antinomy of the two main types of morality (honor and conscience) corresponds to the opposition of the external and internal regulator of the social behavior of the person.

Key words: concept, concept, value, conceptualization, syntagmatics, dyad, internal form, image.

Концепты «честь» и «совесть» занимают важное место в русской языковой картине мира, поскольку выражают значимые смыслы национальной культуры, манифестированные в формах русского языка.

Объединение в данной статье концептов «честь» и «совесть» обусловлено их тесной связью и активным взаимодействием в русской языковой картине мира.

Понятие концепта в лингвистической литературе толкуется далеко не однозначно, что вызвано трудностью его отграничения от смежных явлений – значения, понятия. Сложность трактовки концепта обусловлена также тем, что он, подобно гену, не дан в непосредственном восприятии, представляя собой сущность сферы содержания. Свойства концепта и его природа раскрываются лишь посредством косвенных данных. Проблема понимания концепта осложняется и его очевидным межнаучным характером. Термин «концепт» используется в богословии, логике, философии, теории коммуникации, семиологии, лингвистике, психологии. Причем в лингвистической науке понятия о концепте «особенно расплывчаты» [6, с.22].

Многие исследователи тесно увязывают понятие концепта и значения, причем последнее в языкознании также толкуется весьма противоречиво.

Так, Ю.С. Степанов определял концепт и значение как сущности одного рода, относящиеся к разным системам: значение – к языковой системе, а концепт включал в систему «логических отношений и форм», исследуемых как в языкознании, так и в логике. Вряд ли можно согласиться с по-

добным отождествлением, ограничиваясь лишь разнесением данных понятий по разным наукам. При таком подходе за пределами внимания лингвиста остается присущая слову коннотация, его стилистические и стилевые особенности, семантика междометий и служебных слов [7, с.134].

М.И. Шахнович считает концепты посредниками между внеязыковой действительностью и словом, требуя разграничения концепта и значения [16]. С.А. Аскольдов указывал на более широкий объем концепта в сравнении с лексической семантикой слова, его манифестирующей [1, с.270; 5, с.18; 3, с.6].

В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, С.Г. Проскурин утверждают, что понятие включает в свою структуру только существенные признаки, а концепт и несущественные [12, с.16].

Примечательно, что такие же мысли выражал уже С.Д. Кацнельсон, используя другой термин (понятийное содержание слова) [5, с.14-15]. Под несущественными признаками понимаются эмоциональные, экспрессивные, оценочные, смысловые оттенки, которым В.А. Пищальникова отводит место на периферии семантического значения [11, с.47]. А.П. Бабушкин фактически концепт приравнивает к понятию, вытесняемому из употребления концептом [2]. Д.С. Лихачев и В.П. Москвин соотносят понятие концепта с лексико-семантическим вариантом слова во всей совокупности его связей и отношений [8].

Следует также отметить, что лексическое значение непосредственно связано со словом и является его важнейшим признаком, в то время как концепты могут

быть представлены, например, союзами, не имеющими лексического значения.

Определенные отличия в понимании сущности концепта наблюдаются у менталистов и вербалистов. Так, вербалисты, исходя из невозможности мышления без участия языка, постулируют неразрывную связь концепта с языком [15]. При этом В.А. Маслова утверждает, что понятия и концепты тесно друг с другом связаны и первые могут переходить во вторые [9, с.26; 13]. Однако на самом деле не понятия переходят в концепты, а концепт способен проявляться не только в структурной форме понятия, но и в конструктивных формах образа и символа.

Важнейшей проблемой остается вопрос о генезисе концепта.

Так, В.А. Пищальникова, В.А. Маслова отрицают объективность существования концепта и считают его научным конструктом [11, с. 51; 9, с. 24].

На наш взгляд, подобное утверждение вызвано смещением объективной единицы ментальности – концепта и результатом его познания, причем второе полностью зависит от первого.

Итак, проведенный сжатый обзор мнений по проблеме концепта показал необычайную противоречивость в его толковании, объяснении его генезиса, определении его сущности и др., что было сделано для обозначения исходных позиций исследования, которые сводятся к следующему: концепт представляет собой объективную реальность; он не тождествен понятию или значению, не является расширенным или суженным значением или понятием; «концепт есть исходный смысл, не обретший формы; это сущность, явленная плотью слова в своих содержательных формах: в конструктивных – образе и символе и в структурной – в понятии» [6, с.23].

Первой содержательной формой концепта является образ, характеризующийся субъективной индивидуальностью; в символе осуществлен синтез «чувственного и умственного образов»; понятие носит всеобщий характер [6, с.19].

Концепты «честь» и «совесть» в русском языке были подвергнуты описанию различными исследователями. Со стороны понятия в той или иной мере «совесть» изучалась в работах Н.Д. Арутюновой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.С. Степанова, Е.В. Урысон, Е.А. Пименовой, Л.С. Муфазаловой, Е.Ю. Поповой.

Концептуализация «совести» подробно исследуется в работах В.И. Карасика, Е.А. Китаниной, М.В. Пименовой, Н.А. Редько, Л.Ф. Муфазаловой. Указанные исследователи проанализировали дефиниции «совести» в различных лексикографических источниках, описали различные смыслы указанного концепта в поговорках и пословицах, авторских текстах, исследовали его синтагматику и ассоциативные связи, реализацию в биоморфных и предметных метафорах и др. При этом акцент при проведении исследования был сделан на лингвокультурологическом аспекте. По такой же методике исследовался концепт «честь» в работе Е.М. Спиваковой и М.М. Спиваковой.

В настоящей статье указанные концепты изучаются в диаде, которую они составляют, при этом акцент делается на их реализации (явленности) «плотью слова» в образах, символах и понятиях с привлечением суждений по данной проблеме русских философов.

Слово «совесть» является однозначным и толкуется в Словаре С.И. Ожегова следующим образом: «Совесть, -и, ж. Чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом. Люди с чистой совестью...» [10, с.594].

Более полное определение дает Е.В. Урысон, понимающая под совестью «способность человека оценивать с нравственной точки зрения свои действия, а также мысли и чувства и глубоко переживать, если они не соответствуют нравственным нормам, вследствие чего менять свои действия, мысли и чувства, чтобы они этим нормам соответствовали» [14, с.186].

У слова «честь» выделяется три значения: «**Честь**, -и, о чести и в чести, ж. 1.

Общественно-моральное достоинство, то, что вызывает и поддерживает общее уважение, чувство гордости. *Борьба за ч. и свободу Родины. Долг чести. Задеть чью-н. ч. Береги честь смолоду* (поговорка). **2.** Целомудрие, непорочность (женщины). **3.** Почет, уважение. *Он в чести»* [10, с.707]. Слова «честь» и «часть» по своему происхождению являются однокоренными. В древнерусском языке лексема «часть» обозначала часть, принадлежащую члену рода. В отличие от слова «совесть», исторически образованного от глагола «ведать» и представляющего собой кальку с греческого *sinpinos* с семантикой «сознание» = «совместное знание», слово «честь» представляет собой исконно славянское слово.

По свидетельству В.В. Колесова, современное значение в русском языке слово «совесть» получило только в начале ХУП века.

Исконно честь характеризовала внутреннее качество человека, а общественная оценка выражалась лексемой «слава». За счет удвоения указанных слов достигалось выражение нужного понятия. Так возникла формула «честь» и «слава», в которой первое слово обозначало внутреннее качество личности (личное переживание), а второе служило выражению его оценки со стороны общества. Такое же отношение просматривается и в диаде «стыд и срам». Стыд – внутреннее переживание, а срам – социальная оценка. Подобное удвоение отражало неразделенность, своеобразную слитость субъектных и объектных отношений, нерасторжимую связь внутреннего чувства субъекта и оценки этого чувства извне, обществом.

В современных воинских частях нередко можно встретить плакаты с таким призывом: «Живи по уставу – завоеешь честь и славу». Однако в этом призыве слово «честь» употреблено уже в совершенно другом значении и передает не внутреннее переживание личности, а ее признание в обществе.

Совершенно иное отношение между членами наблюдаются в диаде «ни стыда ни совести», в которой оба слова обозна-

чают внутреннее состояние личности, ее переживания. Однако между ними прослеживается и определенное различие в смысловом содержании. Так, слово *стыд* служит выражению чувства «сильного смущения от сознания предосудительности поступка» [10, с.621], в отличие от совести, в соответствии с требованиями которой человек дает оценку своим чувствам, поступкам, мыслям, а также, в случае их противоречия, нравственным нормам, стремится привести их в соответствие этим нормам.

Таким образом, «совесть» активна, в ней присутствует волевое начало. Стыд же выражает лишь личное глубокое переживание, что выражается, например, в сочетании «сгорать от стыда». Таким образом, стыд связан лишь с чувством, а совесть не только с чувством, но и с мыслью, а также с волей.

Русский философ Иван Ильин определял совесть как волю к совершенству, как источник чувства ответственности и справедливости, как «лучи качественности, ответственности, свободы, справедливости и предметности, честности и взаимного доверия» [6, с.112]. Иван Ильин утверждал, что совесть и сознание друг с другом не связаны. Совесть связана с духовностью, а сознание – с интеллектуальным знанием. Более того, логическое осмысление поступков и чувств способствует утрате совести. В этом вопросе в параллель Ивану Ильину может быть поставлен антиинтеллектуалист Л. Шестов, считавший, что осмысление веры свидетельствует о неверии.

Как уже было показано выше, диада «честь» и «совесть» представляет собой единство личного и социального. Честь требует от человека выполнения долга перед обществом. Человек, следующий чувству личной ответственности и чести, решает сам. Совестьливый человек поступает по совести, даже вопреки своим личным интересам.

Следовательно, поступок человека чести обусловлен извне, долгом перед обществом и личным чувством ответствен-

ности, совестливый человек исходит из чувства личной ответственности при исполнении долга. Человек чести находится в плену общественного мнения и собственной нравственности, а совестливый человек – в плену сугубо личного.

Отношение к свободе диктуется честью и совестью. По наблюдениям, проведенным В.В. Колесовым над героями русской и западноевропейской литературы, первые в своих поступках руководствуются совестью, а вторые – честью. Европейец обуславливает границы своей свободы долгом, а русский личную волю ограничивает совестью [6, с.113].

Что касается чести, то для русской ментальности она менее существенна, чем совесть, поскольку лишена глубокой духовности, которая присуща совести.

Внутренней формой слова «честь» в русском языке является мирская честь, не связанная с духовностью, а лишь с вещными элементами, что до настоящего времени ощущается в выражениях «честь и место» (вежливое приглашение сесть), «честь честью» (хорошо, как следует, например, угостить честь честью).

Понятие чести, этимологически связанное с идеей части лишено свойственной русской ментальности идеи целостности (Н. Бердяев). Честь имеет характер очевидной корпоративности, на что в свое время справедливо указывал Гегель: «В своем сословии член корпорации находит свою честь» [6, с.113].

Корпоративный характер чести выражается в сочетаниях типа «честь дворянина», «честь офицера», «профессиональная честь» и т.п. Именно корпоративность чести свидетельствует о том, что она обусловлена внешними факторами.

В отличие от чести совесть устремлена к целостности. В свое время В. Соловьев ставил совесть выше сознательности, объясняя это тем, что совесть представляет собой силу внутреннего контроля, а сознательность диктуется средой. В.В. Колесов приводит довольно любопытные особенности понимания совести русскими философами и писателями. Так, Иван Ильин

отождествляет совесть с понятием о добре. М.М. Пришвин отмечает неделимость совести. Е. Трубецкой считает совесть своего рода благодатью, противопоставленной закону. Если исполнение закона обусловлено определенными требованиями, то совесть «диктует *безусловно* должное». В.С. Соловьев совесть определял в качестве целостного факта, стоящего выше всяких требований.

С позиций современного состояния совесть представляет собой главное нравственное качество личности, отражает ее врожденное стремление к справедливости.

В поэтических текстах совесть олицетворяется (кричит, упрекает, подсказывает), уподобляется ценной вещи, которую можно потерять. При этом сохранение совести, особенно в тяжелой жизненной ситуации, представляет собой важнейшую характеристику истинной личности. Подобно живому существу совесть может болеть и исцеляться, спать и пробуждаться, умирать, причинять человеку боль и т.п. [4].

Совесть обуславливает поведение человека изнутри. И если он не следует ее повелению, она начинает его терзать, грызть, как некий зверек. Отсюда и выражение: *совесть грызет, совесть заела*. Честь тесно связана с достоинством. Если честь обуславливает уважение окружающих, то достоинство – это не только уважение окружающих, но и уважение к самому себе, оправданное совестью. В свое время Н. Михайловский подчеркивал, что совесть соотносится с обязанностями, а честь – с правом. В результате честь рассматривается в качестве внешнего регулятора социального поведения, а совесть – внутреннего. А оба этих качества предстают в тесном единстве, обуславливают идеальное поведение личности. В соответствии с понятием чести человек требует уважительного отношения к себе от окружающих, а «идущая из глубины души» совесть обуславливает личное отношение к окружающим. Честь требует следования закону, обычаю (живи по уставу – завоюешь честь и славу; у кого честь верная, у

того и служба примерная). Совесть в отличие от чести требует ответственности, прежде всего, перед самим собой, она внутри личности, не связана с принуждением извне, предрасположена к справедливости, а не к закону. Для русского человека, всегда тяготеющего к справедливости и правде, совесть, несомненно, представляет большую ценность, нежели честь. Совесть порождает нравственные императивы личности, а честь обуславливает следование им в обществе.

Совесть в русском языке и культуре тесно связана с сознанием. Если совесть представляет с собой кальку с греческого языка, то сознание является результатом калькирования латинского *conscientia*, т.е. *сознание*. При этом латинское *conscientia* также было ранее калькировано с соответствующего греческого. В результате в русском языке возникла диада «совесть» – «сознание». За совестью закрепилось глубинное знание, душевное, своеобразное «вечное ведение», а сознание стало выражать «поверхностное, вещное» знание. Сознание отражает явления окружающего мира, а совесть служит отражению сущностей мира. По наблюдениям В.И. Карасика, сознание ассоциируется с объектом, представляющимся в виде некоего сосуда, вместилища, которое заполняется информацией (внедрить в сознание, втиснуть в сознание и т.п.) [4]. Совесть же предстает в виде целостного объекта, который зачастую уподобляется живому существу. По

свидетельству В.В. Колесова, лишь в конце ХУШ в. указанные лексемы окончательно разошлись в своей семантике и совесть максимально сближается с честью.

В процессе своего многовекового функционирования лексема «совесть» претерпела значительные изменения в своей семантике, что было связано с влиянием христианской литературы. Первоначальное значение «сообщение» трансформировалось в «известие», а затем – в «знание». Вплоть до ХУП в. слово «совестный» еще характеризовалось семантикой «известный». И только в конце ХУШ в. оно отдало свою семантику рассудочного знания калькированной с латинского языка лексеме «знание» и стало обозначать только духовное качество личности. Главное свойство совести заключается в ее соотносительности со справедливостью, в этом ее отличие от чести [6, с.117].

Итак, исконно идея чести предшествует совести. Честь корпоративна, а совесть индивидуальна. В русской культуре совесть стоит выше чести. Честь выражается в отношении к человеку окружающих, а совесть в отношении человека к окружающим. В отличие от сознания, отражающего вещный мир, совесть выражает отношение человека к миру. И честь, и совесть представляют собой важнейшие символы русской культуры, сохраняющие внутренний образ. Следовательно, оба концепта отчетливо обнаруживаются и в образе, и в символе, и в понятии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология/Под ред. В.Н. Нерознака. М.: Академия, 1997. С.267-280.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. 103 с.
3. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: Культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Изд-во «Перемена», 1996. С.3-16.
4. Карасик В.И., Китанина Э.А. Осмысление совести и сознания в русской лингвокультуре // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2019. С.67-81.
5. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.: Едиториал УРСС, 2011. 112 с.
6. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
7. Кунавин О.Б., Кунавина И.И. К проблематике концепта // Славянская письменность и культура как фактор единения народов России. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та. 2015. С.133-141.

8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. М.: Академия, 1997. С.28-37.
9. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование. 736 с.
11. Пищальникова В.А. Значение и концепт // Русский язык в школе. 2007. № 4. С.45-51.
12. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. М.: Наука, 1993. 160 с.
13. Телия В.Н. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры // С любовью к языку. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. С.89-97.
14. Урысон Е.В. Голос разума и голос совести // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С.184-189.
15. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / /Научно-техническая информация. 1992. Серия 2. № 3. С.3-29.
16. Шахнович М.И. Первобытная мифология и философия. Л.: Наука, 1971. 240 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Askol'dov S.A. Koncept i slovo // Russkaja slovesnost': Antologija/Pod red. V.N. Neroznaka. M.: Akademiya, 1997. S.267-280.
2. Babushkin A.P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike jazyka. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 1996. 103 s.
3. Karasik V.I. Kul'turnye dominanty v jazyke // Jazykovaja lichnost': Kul'turnye koncepty. Volgograd-Arhangel'sk: Izd-vo «Peremena», 1996. S.3-16.
4. Karasik V.I., Kitanina Je.A. Osmyslenie sovesti i soznaniya v russkoj lingvokul'ture // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Serija 2. Jazykoznanie. 2019. S.67-81.
5. Kacnel'son S.D. Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie. M.: Editorial URSS, 2011. 112 s.
6. Kolesov V.V. Jazyk i mental'nost'. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004. 240 s.
7. Kunavin O.B., Kunavina I.I. K problematike koncepta // Slavjanskaja pis'mennost' i kul'tura kak faktor edinenija narodov Rossii. Materialy Sh Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Vladikavkaz: Izd-vo Severo-Osetinskogo gos. un-ta. 2015. S.133-141.
8. Lihachev D.S. Konceptosfera russkogo jazyka // Russkaja slovesnost': Antologija. M.: Akademiya, 1997. S.28-37.
9. Maslova V.A. Kognitivnaja lingvistika. Minsk: TetraSistems, 2004. 256 s.
10. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: Mir i Obrazovanie. 736 s.
11. Pishhal'nikova V.A. Znachenie i koncept // Russkij jazyk v shkole. 2007. № 4. S.45-51.
12. Stepanov Ju.S., Proskurin S.G. Konstanty mirovoj kul'tury. M.: Nauka, 1993. 160 s.
13. Telija V.N. Ob'ekt lingvokul'turologii mezhdru Scilloj lingvokreativnoj tehnik jazyka i Haribdoj kul'tury // S ljubov'ju k jazyku. Voronezh: Izd-vo VGU, 2002. S.89-97.
14. Uryson E.V. Golos razuma i golos sovesti // Logicheskij analiz jazyka. Jazyki jetiki. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. S.184-189.
15. Frumkina R.M. Konceptual'nyj analiz s tochki zrenija lingvистa i psihologa / /Nauchno-tehnicheskaja informacija. 1992. Serija 2. № 3. S.3-29.
16. Shahnovich M.I. Pervobytnaja mifologija i filosofija. L.: Nauka, 1971. 240 s.

Поступила в редакцию 08.03.2021.

Принята к публикации 11.03.2021.

Для цитирования:

Кунавин Б.В., Тедеева И.К. Концепты «честь» и «совесть» в русской языковой картине мира // Гуманитарный научный вестник. 2021. №3. С. 183-189. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/03/Tedeeva.pdf>